К. Хейккинен

ЙОУКО СУРХАСКО – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАРЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ

Исследования Йоуко Сурхаско, касающиеся карельских свадебных, похоронно-поминальных и иных семейных обрядов, можно без преувеличения назвать непревзойденными. Вышедшая в 1977 г. монография «Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.)» столь полно освещает карельский свадебный обряд, что к этому сложно что-либо добавить. Вместе с тем в книге рассказано много интересного о системе семейных и родовых отношений в целом. Этот труд остается актуальным по ряду причин. В нем затронуто немало методологических вопросов. Вместе с тем гендерный подход к проблемам взаимоотношения полов и положению женщины привносит свежий взгляд в исследование семейных отношений. Это касается, прежде всего, ставшего вновь актуальным интереса к отношениям подчиненности и подчинения. Сейчас появилась возможность по-новому интегрировать исследования семейных отношений, существовавших в царской России, в том числе в российской Карелии, в русло международных исследований семейных отношений, которые ныне динамично развиваются¹. В то же время перемены, происходящие в России, становятся понятнее, если рассматривать их на фоне исторического развития системы семейных отношений разных национальностей. Вдобавок, укоренившееся в Финляндии представление о финской женщине как сильной натуре находит поддержку в трактовке семейных отношений карел. В центре интереса – прежде всего отношения внутри семьи: как формальные, так и эмоциональные проявления власти. Так имеет ли значение этничность? Существуют ли различия между системой семейных отношений карел и русского населения севера страны, и чем объясняются возможные различия? В предлагаемой читателю статье я все же не смогу затронуть этой грани вопроса.

Семью можно изучать при помощи методов исторического исследования. Ее можно также рассматривать, анализируя культурную практику, например, свадебную традицию или фольклор, хотя бы «Калевалу». Каждый из подходов привносит свою специфику в освещении исследуемой темы. Так, интересно, что в советской науке вопросы религиозности и верований часто рассматривались в связи с изучением семейных отношений. Известно, что в

советский период религии почти не уделялось внимания в научных исследованиях. Представляется вполне естественным рассматривать свадебные и похоронные обряды в контексте семейных отношений. Интересно, что в некоторых исследованиях под «духовной культурой» понимались профессиональная в своей основе культура и отчасти фольклор, тогда как религия в контексте семейных отношений затрагивалась лишь вскользь².

Общие вопросы исследования семейных отношений

Чтобы понять самобытность карельской семейной обрядности, необходимо проследить все основные особенности социальных отношений, существовавших в Карелии. Общим для многих исследователей было то, что ими традиционно подчеркивался патриархальный характер большой карельской семьи³. Архаичность семейного уклада содействовала сохранению традиции карельских праздников, связанных с половозрастными группами. Как выясняется, на стыке XIX–XX вв. большая семья сохранилась, прежде всего, в Беломорской Карелии. До войны в состав Финляндии входила территория приграничной Карелии, этническая культура которой напоминала культуру олонецких карел⁴. Там большую семью можно было встретить вплоть до 1930-х гг.⁵ В Олонецкой Карелии большая семья уступила дорогу малой семье, которая стала господствующей формой семейных отношений в Олонецком крае в начале XX в.⁶

Семья издавна являлась одним из объектов этнографического изучения. Ее рассматривают с разных точек зрения. К предмету исследования могут быть отнесены: структура семьи, в том числе ее отражение через призму функционального разделения территории дома (строений и интерьеров) между членами семьи; распределение трудовых обязанностей; взаимоотношения членов семьи в области земельных, имущественных и наследственных отношений; взаимоотношения внутри семьи, в особенности между женщинами и мужчинами и родственниками разных возрастных групп; властные полномочия главы семьи; значение кровного родства (дети) и социального родства (невестки, приемные дети). Брак и заключение брака принято исследовать как социальное, юридическое, экономическое и обрядовое явление.

Семья воистину многообразна: она является одновременно юридической, экономической, социальной единицей. Существенна также и морально-этическая роль семьи в обществе. В особенности вопрос о положении женщины в семье и весь патриархальный семейный уклад всегда вызывали множество эмоциональных и моральных комментариев. Мож-

но утверждать, что, будучи носителем морали, семья была и остается объектом горячей полемики. Исследование семьи несет на себе отпечаток различных эпох. В какой-то период главное внимание сосредоточивалось на вопросах супружеской верности и иных аспектах внутрисемейных отношений, в другие времена – на количестве детей, и тогда семью рассматривали, прежде всего, как демографический фактор.

Акцент на моральной стороне семейных отношений делался в конце XIX в.; вопросы морали можно считать актуальными и в современном исследовании семьи. Между тем отождествление семьи и брака с моральными установлениями вызывало также критику. Относящиеся к числу наиболее значительных российских этнографов XIX в. П. С. и А. Я. Ефименко считали, что в браке хозяйство («материальные потребности» по А. Я. Ефименко) является более важным аспектом, чем его нравственная основа⁷.

Семья и брак рассматривались в контексте народного права, которое интересовало П. С. и А. Я. Ефименко. Народное право считалось более справедливым, чем право юридическое. Принято было считать, что исследование народного права способствует выявлению самых существенных черт народной жизни, поскольку это позволило бы проследить, как сформировалась семья – важнейшая ячейка народной жизни, в каких личных и имущественных отношениях состоят между собой члены семьи, какие правовые обычаи связаны с браком и наследованием. Вместе с тем семья рассматривалась как ячейка способа существования⁸.

А. Я. Ефименко в особенности интересовалась положением женщин. Она внимательно изучала ее правовое положение, обстоятельства заключения брака, положение женщины в семье, разделение семьи и вопросы прав землевладения и землепользования с точки зрения полов. В духе своего времени А. Я. Ефименко рассматривала фольклор в качестве материала при изучении положения женщины.

Упомянутые выше труды освещают положение женщины в патриархальной семье, где право владеть и распоряжаться основной собственностью наследовалось по мужской линии, а в собственности женщины оставалось лишь полученное в отцовской семье приданое. Положение бездетной невестки было особенно уязвимым, и после смерти супруга ее могли отправить обратно в отеческий дом. Однако чем больше невестка-жена успевала потрудиться на благо дома своего мужа, тем больше увеличивались ее возможности получить компенсацию за эти труды. Это связано со знаковым утверждением А. Я. Ефименко, что труд – основа любого народного права, а значит, и народной морали⁹. Овдовевшая хозяйка могла в исключительных случаях унаследовать властное

положение после кончины своего супруга. Так происходило, когда в семье не было дееспособных мужчин старшего поколения. Вдова получала даже право публично представлять семью.

Короче говоря, положение женщины в семье представляется многообразным в исследованиях П. С. и А. Я. Ефименко. Его нельзя назвать ни всецело мрачным, ни всецело безоблачным.

Изучение семьи на основе семейной обрядности

Использование сведений по обрядности в изучении семьи высвечивает ряд методологических вопросов. Считается, что обряды консервативны, и поэтому их исследование позволяет прикоснуться к наиболее ранним формам существования семьи. Однако проблема состоит в опосредованности отражения семейных отношений в обрядах. В них содержится лишь косвенная информация о системе семейных отношений.

Исследуя свадебные обряды, Й. Сурхаско использовал привычный этнографический материал, включая путевые очерки финляндских и российских авторов, «Калевалу» и иной фольклорный материал, исторические архивные источники. Это обычная этнографическая практика. Отличительной чертой Сурхаско является прекрасное знание используемого материала.

Й. Сурхаско сетует, что материал по свадебной обрядности носит фрагментарный и случайный характер. Наиболее ранние сведения можно найти в экспедиционных отчетах российских и финских собирателей народной традиции. Существует несколько оставленных очевидцами описаний свадебного обряда нового, послереволюционного времени. По следам экспедиции под руководством Д. А. Золотарева в 1920-х гг. Г. Х. Богданов написал, по определению Сурхаско, «строгий научный очерк». Сам Сурхаско начал собирать материал о свадебных и других обрядах в 1964 г.¹⁰ Он применял самобытные методы сбора материала. Сурхаско инсценировал традиционную свадьбу в 1960-х гг. Можно предположить, что его информантами были люди, родившиеся в начале XX в.

К сожалению, существует немного описаний свадебной обрядности, основанных на непосредственных наблюдениях. Именно это вызывает методологические затруднения в исследовательской практике. Возникают, в частности, проблемы с датированием имеющейся информации. Сведения, касающиеся свадебных обрядов, редко связаны с ситуацией на момент исследования и не всегда даже точны по времени, к которому относятся воспоминания информантов; в рассказах часты рассуждения, связанные с общими представлениями о традиции. Праздновавшаяся в течение нескольких дней традиционная «старая» свадьба стала ис-

чезать по мере приближения XX в., на это указывает и то, что пришедший на смену ей альтернативный обряд также относили к области традиций. Речь о заключении брака «на кончике платка», т. е. когда молодые начинали совместную жизнь без традиционного свадебного обряда¹¹. Ясно, что традиционная свадьба не могла остаться без изменений на протяжении XIX в., это подтверждают работы Сурхаско.

Ценность свадебного обряда в исследовании семейной традиции основывается на мысли о том, что обрядовая роль каждого члена семьи или рода соответствует его подлинной роли в системе семейно-родовых отношений. Метод, которым пользовался Сурхаско, можно назвать «прочтением обряда». Он основывается на том, что оценивается активность или пассивность поведения жениха, невесты и других членов рода во время свадьбы. Определяются значение и место семьи и рода жениха и невесты; имеются ли проявления матриархата и матриликальности, патриархата и патрилокальности или же и того и другого одновременно; выявляется роль каждого из родственников; степень заметности родственников по женской и мужской линии во время свадебного торжества. Роль членов семьи исследуется в связи с различными аспектами. При этом оцениваются как обряды, исполняемые каждым из индивидов в отдельности, так и коллективно выступающая семья в целом. Определенная таким образом роль членов семьи соотносится затем с социальным контекстом, который реконструируется при помощи дополнительного материала.

По мнению Й. Сурхаско, некоторые структурные черты свадебного обряда характерны именно для карел. К ним относится важная роль свата-колдуна (патьяшка), относительная активность невесты и заметная роль родственников на свадебном празднике. Сурхаско считает, что этим подчеркивается коллективный характер празднества. Именно он обратил внимание на то, что обряды, в которых проявляется переход молодого мужчины или молодой женщины к взаимным супружеским отношениям, были развиты слабо, в то время как переход женщины из своей общины в общину своего мужа отчетливо выражен. В этом проявляются черты патриархального и патрилокального семейного уклада¹².

Поиск следов матриархата и их соотношение с патриархальной системой родовых отношений – это наиболее вдохновляющие результаты научной работы Й. Сурхаско. Он подчеркивает различия в свадебной обрядности Беломорской и Олонецкой Карелии. Различия в свадебной обрядности Сурхаско относит на счет большей патриархальности системы семейных отношений олонецких карел¹³.

У северных карел роль семейного совета была значительной при принятии решения о вступлении в брак. При более внимательном рассмотрении

становится очевидным, что главным образом отец, а шире и другие родственники-мужчины обладали правом принятия решений на семейном совете. Это особенно отчетливо проявлялось при вступлении в брак жениха¹⁴. Следует особо подчеркнуть роль брата при принятии решения о вступлении в брак сестры, о чем, правда, сохранилось очень немного весьма неопределенной информации¹⁵.

Соответственно в Беломорской Карелии была заметна роль всех членов рода во время свадебного празднества, тогда как в Олонецкой Карелии ключевыми действующими лицами являлись близкие родственники, в особенности отец, дед и братья. Роль жениха также возрасла по мере усиления патриархата¹⁶.

Сурхаско видит в свадебных обрядах отголоски матриликального уклада и матриархальной семьи. Они выявляются в существовании обрядов, совершаемых в доме невесты, когда выявляется роль членов рода невесты. Однако не следует забывать, что семья невесты также была патриархальной. В качестве доказательств матриархальности Сурхаско использует фольклор, прежде всего – «Калевалу». Он присоединяется к мнению многих исследователей, в частности В. Я. Евсеева, согласно которому рождение героев в «Калевале» происходит «матрилинейно»¹⁷.

Матриликальность и матриархальная семья, господствовавшие прежде, все более вытеснялись патриархальным укладом, при котором была велика власть отца по отношению к детям и мужа по отношению к жене. Вслед за этим увеличивалось число обрядов, совершаемых в доме жениха¹⁸. Таким образом, согласно Сурхаско, можно проследить изменение карельского свадебного обряда, а вслед за этим – изменения, произошедшие в самой системе семейных отношений.

Становится очевидным, что как матриархальные отношения или их отдельные проявления, так и существование семейного совета являлись следствием некоторой модернизации отношений. Поэтому речь не идет об относящемся к современности равноправии, скорее вспоминается представление Ф. Энгельса о примитивной демократичности.

Образ сильной женщины

При исследовании системы семейно-родовых отношений привлекался фольклорный материал. Так поступал и Й. Сурхаско. Прежде всего, использовалась народная эпическая поэзия калевальского стихотворного размера – как эпос «Калевала», так и оригинальные тексты народных рун. В течение последнего десятилетия в Финляндии увидело свет множество исследований, в которых «Калевала» трактуется как «женский» эпос и

где представлены образы сильных женщин «Калевалы». Это прежде всего Лоухи и матери героев, самая известная среди которых – мать Лемминкяйнена¹⁹.

С трактоvkами, прославляющими женщину, связаны интересные противоречия. При использовании «Калевалы» в качестве источника, следует задуматься о значении редакторской работы Э. Леннрота. Это и стало предметом интереса в исследованиях гендерной направленности. Патриция Сэвин первой обратила внимание на то, что, соединяя сюжеты «Калевалы», Леннрот одновременно «выстроил» для ее героев такую систему семейных отношений, которая соотносима с буржуазным идеалом подчиненной мужчине-хозяину семьи времен XIX в. Так, в «Калевале» соседствуют два типа женских образов, а именно сильная мать и невинная девушка, например Айно²⁰.

Образ Лоухи исключителен среди них. Ее неоднократно представляли вождем враждебного народа, и это отсылало к эпохе раннего матриархата. Сейчас Лоухи стала, по крайней мере, в Финляндии, олицетворением независимой женщины²¹.

Очевидно, что прославление женщин «Калевалы» относится к образам престарелых женщин-матерей. Они могут иметь кроме материнства и другие заслуги, например, обладать колдовским знанием. Образы сильных, защищающих сыновей женщин успели уже удостоиться критики. Как отмечалось, женщины благоволят прежде всего сыновьям; именно сыновей спасают они от смерти; именно сыновей защищают и им помогают советами. В то же время удел дочерей – полное безразличие²². Помоему, в этом проявляется отражение как раз патриархальности семейных отношений. Вряд ли сильную роль женщин-матерей «Калевалы» следует рассматривать как свидетельство хорошего положения женщин.

В итоге мы наблюдаем очевидное противоречие между женскими образами «Калевалы», образом женщины, реконструированным на основе изучения обрядности, и основанными на историческом знании представлениями о женщине. Основываясь на поэзии и семейных обрядах, сложно обосновывать равноправное положение женщины на общем уровне, пусть даже поэзия рисует образ уважаемой женщины-матери. Очевидно, что эпическая поэзия нуждается в драматическом напряжении, которое может строиться на образах скорбящих женщин-матерей и погибающих сыновей-героев.

Семья сквозь призму менталитета

Отношения внутри семьи можно рассматривать также, обратившись к описаниям национального характера. Эта тематика довольно полно отра-

жена в путевых очерках. Черты национального характера принято соотносить с проявлениями нравственных сторон «народной души», употреблением алкоголя, иногда – с христианством и народным правом.

Путевые очерки – чрезвычайно эмоциональный и субъективный источник информации. Их можно лишь с большой осторожностью использовать в качестве материала для этнографических исследований. Эта осторожность диктуется склонностью авторов к стереотипам, которая проявляется при описании чужой культуры. В этой связи мне представляется особенно интересным вопрос о рефлексии самого исследователя. Я имею в виду оценку влияния национальности и пола исследователя на его исследования и применяемый им способ получения материалов. Посвященные карелам очерки отягощены акцентами, вызванными, с одной стороны, «финским», а с другой – «русским» мироощущением. Интерес, проявляемый как финнами, так и русскими, к Карелии имеет глубокие корни²³.

В написанных как финнами, так и россиянами очерках проявляются общие черты, затрагивающие эмпирический материал. Во-первых, способ исследования содержит много неконкретных сравнений с собственной культурой. Они основываются на понятиях «мы» и «наша культура». Тексты насыщены слудующими оборотами: «так, как у нас», «не так, как», «необычно», «странный». Только точные эмпирики, например Э. Ленрот, стремятся давать конкретизированные определения. Так, он, к примеру, говорил: «как у нас в Хяме» или где-то, где сам был чему-либо очевидцем. Объекты эмпирических наблюдений были ограниченными, и эти границы определялись необходимыми потребностями самого путешественника. В связи с этим авторы уделяли много внимания описанию построек, блюд, средств передвижения, а также доброжелательности или недоброжелательности людей.

Меня интересует именно «русская» точка зрения. Естественно, что русские более удивлялись тому, что отличалось не столько от финской, сколько от русской культуры. Карельская культура рассматривалась именно под этим углом зрения.

Представления о национальном характере и связанные с ними оценки семейного уклада особенно восприимчивы к оттенкам и субъективности суждений. Они также наиболее относительны и зависимы от собственной позиции наблюдателя. Эти темы часто рассматривались в описаниях различных народов в XIX – начале XX в. Механизм оценок весьма прост. Глубокая двойственность окрашивает описания карельского национального характера, принадлежащие финнам. С одной стороны, карелы воспринимались как часть финского этноса и, соответственно, подчеркивались их «финские» черты: «характер карел в общих чертах... сродни фин-

скому...»²⁴. В то же время акцентировались и отличные от финнов особенности характера карел, чаще всего их веселость, живость и другие черты, несущие отпечаток детской непосредственности²⁵.

Иным было представление русских о карелах. Карелы представлялись русским замкнутыми, молчаливыми и скованными в движениях, но одновременно смелыми и непьющими людьми. Карелы не имеют представления о красоте, они не ценят поэзию и пение, будучи немзыкальными. Иерархия меняется, когда карел сравнивают с финляндскими или российскими финнами. Теперь карелы представляются людьми оживленными, веселыми, любящими пение и музыку, значит, они во многом напоминают русских²⁶.

Я очарована наблюдениями русских относительно семейной жизни карел. Они представляют интересный и – для меня как финки – необычный взгляд на карельские черты. Хотя некоторые наблюдения из области семейной жизни можно найти и у финнов, их все же немного. Этнические моменты интересовали финнов больше, чем социальные отношения.

Приведу наиболее яркие упоминания российских авторов. П. П. Чубинский так характеризует различия между русскими и карелами: «...в Карелии совсем нет пьянства, есть один-единственный кабак в деревне Панозеро». Он связывает трезвость со староверством. По его мнению, у карел семейный уклад менее патриархален, чем у русских, и не наблюдается деспотии отца или мужа. Чубинский считает это следствием флегматичного карельского менталитета²⁷. Это объяснение несколько уменьшает положительность предшествующей ему оценки.

Сравнивая между собой карел и русских, Н. Ф. Лесков подчеркивает, что карелы наделены «упрямством» и «большей интенсивностью воли», тогда как у русских характер мягче. Поэтому карелы счастливее. Так утверждал Лесков, сам принадлежавший к карелам. Карел не идет в кабак, в карельской среде нет пьянства, и карел не устраивает семейных ссор. Почти одновременно Лесков замечает, что карелы медлительны в работе, они туго соображают и плохо мыслят²⁸.

Согласно Петру Минорскому, карелы «мыслят внутри головы», т. е., как я понимаю, являются людьми осмотрительными. Именно это «мысление» в соединении с «доброжелательностью» ставит карел выше чуди²⁹.

И. В. Оленев, путешествовавший также по Финляндии и сравнивавший карел с финнами, характеризует карел как доброжелательных, гостеприимных и трудолюбивых людей, которые одновременно хитры и «мастера врать». Согласно ему, воровства почти что нет, и

поэтому карел «близкий собрат своему честному соплеменнику финну». По Оленеву, семейный уклад карел спокоен и демократичен. В сравнении с флегматичными, замкнутыми финнами карелы общительны, разговорчивы³⁰.

Я привела лишь несколько примеров, но и они достаточно ярко иллюстрируют то, как русские или уроженцы российской Карелии представляли себе карел, как они обобщали свои наблюдения.

В заключение можно сказать, что в описаниях, сделанных россиянами, карелы рассматриваются в сравнении с финнами или русскими. Подход весьма стереотипен. Карелы изображаются мягкими и любящими покой людьми: «в карельских деревнях господствует полная тишина»; карелы честны, они ведут «простую патриархальную жизнь»; карелы не дерутся; женщинам не приходится испытывать тирании мужчин. Для сравнения можно обратиться к наблюдениям, которые Яакко Лянкеля, будучи финном, сделал в среде ижорцев «русской веры» и ингерманландских финнов евангелическо-лютеранского вероисповедания в конце XIX в. По его мнению, в православных семьях господствовали бесконечные ссоры и склоки. В них жены не подчинялись безропотно власти мужей, как это делали ингерманландские женщины. Покорность же означала покой и согласие³¹.

Заключение

Обобщая, можно констатировать, что карелы всегда были чем-то большим, чем объект исследования и верификации научных гипотез. С карелами связывалось множество надежд, утопий, симпатий и антипатий. Временами акцент делался на идиллических и иных положительных чертах, временами – на негативных. Эти акценты заметны, прежде всего, в путевых очерках, содержание которых находится в непростой взаимосвязи с реальным опытом автора. Это обстоятельство делает все более проблематичным использование очерковой литературы в качестве научного источника.

Отчетливее проявляется это в оценке черт национального характера, когда наиболее живучи сложившиеся представления и стереотипы. По мнению русских, карелы спокойны, и их семейной жизни присуще согласие. Оценки льстят также финнам, которые вне зависимости от обстоятельств уподобляются карелам. Как финке мне более, чем русским, видятся в карелах темпераментность и даже склонность к ссорам.

Взаимоотношения внутри семьи можно оценивать в свете юридических вопросов, таких как право владения, распоряжения и наследования земли, а

также распределение трудовых обязанностей. Обрядовая культура дает свое представление о положении членов семьи. Одновременно почти невозможно рассматривать взаимоотношения внутри семьи с точки зрения опыта людских взаимоотношений. Как женщины оценивали свою жизнь в больших патриархальных карельских семьях? Некоторые намеки можно найти в пронизанном чувствами фольклоре. Отголоски женских вздохов особенно отчетливо слышатся в народной лирической поэзии, она – чуткий резонатор целеустремленных женских образов эпической «Калевалы».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Hämynen T., Partanen J., Shikalov Y.* Family Life on The Northwestern Margins of Imperial Russia. Joensuu University Press. 2004.

² *Чистов К. В.* (ред.) Верхний Олонец – поселок лесорубов: опыт этнографического описания. Л., 1964.

³ *Ефименко А. Я.* Исследование народной жизни. I. М., 1884; *Voionmaa V.* Suomen karjalaisen heimon historia. Kansanvalistusseura. Helsinki, 1915; *Mannila O.* Karjalainen suurperhe ja sen hajoaminen Salmin kihlakunnassa. Helsingin yliopiston sosiologian laitoksen tutkimuksia. N:o 124. Helsinki, 1969; *Sarmela M.* Karjalaisista tavoista. Karjalainen sukukulttuuri // Karjala 1. Karisto. Hämeenlinna, 1982.

⁴ *Хейккинен К.* Приладожская Карелия по данным этнографии // Очерки исторической этнографии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 292–298.

⁵ *Mannila O.* Karjalainen suurperhe ja sen hajoaminen Salmin kihlakunnassa...; *Хейккинен К.-Х.* Динамика изменений в общественной и семейной жизни пограничных карел (XX век, Финляндия). Автореф. канд. дис. Л., 1977.

⁶ *Санникова А. П.* Изменения в структуре и численности семьи у рабочих Карельской АССР // Советская этнография. 1970. № 4. С. 98–100.

⁷ *Ефименко А. Я.* Исследование народной жизни... С. 136.

⁸ *Ефименко П. С.* Сборник юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1869; *Ефименко А. Я.* Исследование народной жизни. I. М., 1884.

⁹ *Ефименко А. Я.* Исследование народной жизни... С. 136.

¹⁰ *Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Л., 1977. С. 6–19.

¹¹ В приграничной Карелии было принято говорить о «прыжке замуж» при вступлении в брак. В то же время, по сведениям информантов, последний традиционный свадебный обряд состоялся в Салми в 1920-е гг. См.: *Heikkinen K.* Karjalaisuus ja etninen itsetajunta. Salmin siirtokarjalaisia koskeva tutkimus. Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja. N:o 9. Joensuu, 1989.

¹² *Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность... С. 208–209.

¹³ Там же. С. 209–212.

¹⁴ Там же. С. 61–63.

¹⁵ *Й. Сурхаско* устно сообщил об этом А.-Л. Сиикала. См.: *Siikala A.-L.* Kalevalaisen mytologian naiset // Hakamies P. (toim.). Näkökulmia karjalaiseen

perinteeseen. Suomi: 182. SKS. Helsinki, 1996. S. 179; См. также *Kupiainen T.* Kertovan kansanrunouden nuori nainen ja nuori mies // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia. 996. Helsinki, 2004. S. 63.

¹⁶ *Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность... С. 212–213.

¹⁷ Там же. С. 40.

¹⁸ Там же. С. 213.

¹⁹ *Nenola A., Timonen S.* (toim.). Louhen sanat. Kirjoituksia kansanperinteen naisista // SKS. Helsinki, 1990; *Siikala A.-L.* Kalevalaisen mytologian naiset. S. 161–186; *Piela U., Knuutila S., Kupiainen T.* (toim.). Kalevalan hyvät ja hävyttömät. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia. 746. Helsinki, 1999.

²⁰ *Savin P. E.* Kalevalan naishahmot Lönnrotin hengentuotteina // *Nenola A., Timonen S.* (toim.). Louhen sanat. Kirjoituksia kansanperinteen naisista // SKS. Helsinki, 1990.

²¹ *Vakimo S.* Paljon kokeva, vähän näkyvä. Tutkimus vanhaa naista koskevista kulttuurisista käsityksistä ja vanhan naisen elämäkäytännöistä // SKS. Helsinki, 2001. S. 110–131.

²² См.: *Kupiainen T.* Kertovan kansanrunouden nuori nainen ja nuori mies.

²³ *Пименов В. В., Энтуейн Е. М.* Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII и XIX веков. Петрозаводск, 1969; *Sihvo H.* Karjalan kuva. Karelianismin taustaa ja vaiheita autonomian aikana // SKS:n toimituksia. 314. Helsinki; Joensuu, 1973; *Heikkinen K.* Karjalaisuus ja etninen itsetajunta...

²⁴ Suomen suku II. Otava; Helsinki, 1928. S. 16.

²⁵ См. например: *Lönnrot E.* Elias Lönnrotin matkat. I osa, vuosina 1828–1839, II osa, vuosina 1841–1844 // SKS. Helsinki, 1902. S. 86, 140–141; *Ervasti A.W.* Muistelmia Venäjän Karjalasta. Otava. Helsinki, 1918. S. 29, 52, 199; *Heikkinen K.* Karjalaisuus ja etninen itsetajunta... S. 32–38.

²⁶ *Минорский П.* Олонецкие корелы и Ильинский приход // Олонецкий сборник. Вып. 2. Петрозаводск, 1886. С. 183, 210; *Чубинский П. П.* Статистико-этнографический очерк Корелы // Труды Архангельского статистического комитета за 1856 г. Кн. 2. Архангельск, 1866. С. 111–112; *Лесков Н. Ф.* Поездка в Корелу // Живая старина. 1895. Вып. III–IV. С. 280; *Оленев И. В.* По Карелии. Очерк // Литературное приложение к журналу «Нива». 1902. № 11. С. 445. См.: *Heikkinen K.* Karjalaisuus ja etninen itsetajunta... S. 32–38.

²⁷ *Чубинский П. П.* Статистико-этнографический очерк Корелы... С. 111–112.

²⁸ *Лесков Н. Ф.* Поездка в Корелу... С. 280.

²⁹ *Минорский П.* Олонецкие корелы и Ильинский приход... С. 210.

³⁰ *Оленев И. В.* По Карелии. С. 445.

³¹ *Länkelä J.* Matkakertomus. Suomi 19 Vsk. 1859 // SKS. Helsinki, 1860. S. 278–279. Цит. по: *Kupiainen T.* Runoja keräämässä ja kansaa tarkkailemassa. Suomalainen katse 1800-luvun lopun Karjalassa ja Inkerissä // *Hakkarainen M.-L., Koistinen T.* (toim.) Matkakirja. Artikkeleita kirjallisista matkoista mieleen ja maailmaan. Joensuun yliopisto. Kirjallisuuden ja kulttuurin tutkimuksia. No:9. Joensuu, 1998. S. 183.